

УДК 94 (575.2): 930.2

РУССКИЕ И ПОЛЯКИ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ЗЕРКАЛЕ МИКРОИСТОРИИ

Л.Р. Скреминская

Прослеживается возможность использования микроисторического подхода к истории на примере семейных историй русских и польских жителей села "Октябрьское" Чуйской области.

Ключевые слова: микроистория; микроисторические исследования; микромир; биографический метод; "Новая историческая наука"; семейная история; интеграция.

RUSSIAN AND POLISH IN KYRGYZSTAN IN THE MIRROR OF MICROHISTORY

L.R. Skreminskaya

It is traced the possibility of use of microhistory approach to history on the example of the family history of the Russian and Polish villagers of "October", Chui region.

Keywords: microhistory; micro-historical research; the microcosm; biographical method; "The new science of history"; family history; integration.

Пограничные села Чуйской области до середины XX в. в основном были представлены народами, оказавшимися в КР не по своей воле, а в силу известных исторических обстоятельств – депортации. Через их историю попытаемся выйти на некоторые особенности истории нашей республики.

В "Новой исторической науке", уходящей своими истоками в Школу Анналов, исследовательский подход, когда поле исследования сознательно сокращается, а объектом анализа становится отдельно взятый микромир, получил определение "микроистория".

Само слово "микроистория" появилось в исторической науке в Европе в 1950–60 гг., и употребил его французский историк Фернан Бродель. Однако основателем этого направления в рамках "Новой исторической науки" стал итальянский историк Карло Гинзбург. Под руководством Карло Гинзбурга и Джованни Леви группа итальянских историков начала осуществлять первые микроисторические исследования уже в 1970-е гг., издавая их в журнале "Quaderni Storici", а с 1980 г. этот журнал перерос в самостоятельную научную серию "Microstorie".

По поводу микроистории до сих пор не сложилось единого мнения. Актуален вопрос, что же является предметом ее исследования? С одной стороны, микроисторию упрекали в излишней детализации, отождествляя ее с историей быта и историей предметов [1]. В конце 1960-х гг. мек-

сиканский исследователь Л. Гонсалес-и-Гонсалес употребил этот термин, используя его как подзаголовок книги о своей родной деревне. А в конце 1970-х гг. группа итальянских историков сделала термин *microstoria* знаменем нового научного направления, породив в результате интерес к микроистории, который "определяется открытием новых тем и сюжетов", интересом к частным историческим "микромирам" или "малым жизненным мирам", в центре которых стоит не герой, а отдельный и самый обыкновенный человек [2].

По мнению российской исследовательницы С. Польской, микроисторический подход не приобрел пока определяющей теоретической и методологической основы, "сам метод микроистории родился *ad contra* на развитие исторической науки в целом, особенно социальной истории" [3]. Однако в настоящее время это направление в Европе достаточно популярно и особенностью его является то, что оно обладает "способностью к сужению поля наблюдения". Джованни Леви, выступив в защиту микроистории, и перефразируя Клиффорда Герца, отметил: "Историки не исследуют деревни – они проводят исследования в деревнях" [4].

Как направление микроистория пока еще носит экспериментальный характер: историки экспериментируют с методами исследования и с формой изложения материала. Но самой заметной частью этого эксперимента является изменение масштаба изучения: микроисторик проводит свои исследо-

вания на микроуровне – уровне села, деревни, отдельно взятой семьи или социальной группы людей. Сужая поле или объект своего исследования, микроисторик стремится через отдельную, например, семейную историю или историю одного села, выйти на более широкий круг исторического обобщения.

В каких случаях видится возможным применение метода микроистории? Во-первых, когда в поле зрения исследователя попадают судьбы отдельно взятых людей, история их жизни, их биографии. Биографии как истории не великих, а простых людей, являющихся свидетелями и участниками реальных исторических событий, способны показать жизнь с той стороны, с какой не покажут ее архивные документы или официальные исторические источники.

Микроистория человеческой судьбы на любом этапе истории может быть источником, позволяющим выйти на макроисторию целого общества. История одной отдельно взятой семьи может обрести поистине эпохальный смысл исторического познания. Другими словами, семейные истории или устные воспоминания отдельно взятого человека могут служить не менее важным историческим документом, нежели официально признанные исторические источники.

В данной статье область анализа ограничена небольшой частью нашей республики – приграничными с Казахстаном селами Чуйской области. В центре внимания – отдельные судьбы русских и польских семей, проживавших некогда на этой территории и прибывших сюда в силу определенных исторических обстоятельств.

Кыргызстан – государство поликультурное. Истоки этой поликультурности уходят в конец XIX в., когда сюда, на “дикие земли” (определение получено нами от одной из наших респонденток, Козубовой О.Ф., бывшей жительницы с. Октябрьское, 1922 г. рождения) стали приезжать народы Российской империи и пускать здесь свои корни. На Иссык-Куле, в Чуйской долине стали появляться русские и украинские села. На пограничных с современным Казахстаном землях Чуйской долины тоже стали появляться единичные крестьянские хозяйства, основанные славянскими народами, которые впоследствии дали жизнь селам Васильевка, Молдовановка, Камышановка. Но активизация этих поселений начинается уже в XX в. В 1925 г. до этих, тогда еще целинных, земель дошла первая веточка Ат-Башинского канала, в те годы называемого Чон-Арык, и тогда зародилась идея целенаправленного их освоения. Между Ат-Башинским каналом и рекой Чу в 1930-е гг. стали появляться поселки, основными жителями и основателями ко-

торых явились русские спецпереселенцы – жертвы кулацкой ссылки из Саратовской области – это были крестьянские семьи, административно высланные с их места жительства в ходе кампании “уничтожения кулачества как класса”. Всего за 1930–1933 гг., по разным оценкам, вынужденно покинули родные деревни от 3 до 4,5 миллиона человек. Около 1,8 миллиона стали “спецпоселенцами” в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана [5].

Вся информация, которую мы используем, получена нами от старожилов поселка Октябрьское (в советские годы это был совхоз-миллионер, гордо носящий имя Карла Маркса). Большая часть информации была получена нами в 2003–2005 гг. во время проводимого там полевого исследования.

Этот поселок ведет свою историю с начала 1930-х гг., с того времени, когда на прибрежные пустынные земли реки Чу, поросшие камышом и верблюжьей колючкой, привезли из Саратовской области России раскулаченных крестьян. Во время проводимого нами опроса местных жителей и из воспоминаний членов моей семьи выяснилось, что большинство жителей этого поселка по линии отца или матери восходят к этим саратовским спецпереселенцам, которые на пустынной и безжизненной земле сумели создать такое мощное хозяйство. Привезли их целым составом на станцию в г. Фрунзе, а потом скудные пожитки и маленьких детей погрузили на подводы, а остальные пешком шли по бездорожью 50 километров до мест их нового поселения – это были так называемые Первый и Второй станы, расположенные дальше от того места, где позже возникнет центральная усадьба поселка. На основании воспоминаний старожилов села Октябрьское, расположенного в 8 км к северу от аэропорта “Манас”, можно воссоздать особенности того исторического периода в жизни нашей республики: *“Приехали мы сюда в кендырь-совхоз. Мать честная – голая степь, да несколько мазанок, которые и домами-то не назовешь. Хорошо хоть весной привезли, если бы зимой, вымерзли бы все поголовно. Отношение к нам, “саратовщине”, было как к людям второго сорта. В столовой кормили в последнюю очередь, постоянно напоминали, что территорию поселка под угрозой жестокого наказания покидать запрещается. Отец, которому в 1933 году было уже 65 лет, работал на мехдворе сторожем. Как-то ночью там пропала спецодежда на 72 рубля. Сразу “открылось дело”, и его в числе четверых других “виновников” осудили на 8 лет лишения свободы. Попал он в лагерь в селе Молдовановка, где через несколько месяцев простудился и умер. В том году, в 1933, особенно зимой, смерть не была чем-то исключитель-*

ным, к ней стали даже привыкать. Хоть и велось какое-то строительство жилья, люди сами обустроивались, как могли, а устроены-то мы были кое-как – запасов не было никаких” (записано со слов старейшего жителя с. Октябрьское П.А. Володина, 1916 г. рождения) [6].

“9 апреля 1931 года мы с сотнями таких же семей приехали в глухую киргизскую степь из Саратовской области. Не по доброй воле бросили родные места, а как “зажиточные” люди, кулаки. Корова была у нас да две лошади на семью из 10 человек – вот какое у нас было богатство. Корова кормила нас всех, лошади в поле помогали, да и сами мы, еще дети малые были, без дела не сидели... Ночь, дождь проливной был, когда привезли нас на первое отделение, где жилья-то и не было. Выгнали из овчарни баранов, настелили на землю курая, да и разместили семьями бок о бок, как могли. Похлебку нам давали, а день деньской все работали, расчищая землю от камней да курая, на быках все это вывозили... Буяновы, Савкины, Бухонины, Макаровы, Тудаковы... Ефимовы, Тельновы, Белкины, Салтыковы, Бударины... Много нас приехало. В землянках жили, в сараях, по 40 человек в одной землянке...” (из рассказа А. Евмеевой, 1921 г. рождения).

“Жилья не было. Камыш рубили, делали из него камышовые маты – берданы, обмазывали глиной и ставили себе жилье. Крышу тоже берданами крыли. За водой горячей ходили в кубовую, мы с мамой вдвоем ходили. Куб – это такой большой бак, вот мы туда с ведрами и ходили. Но нам только по одному ведру давали этой горячей воды, а если она и оставалась в кубе, то ее на землю выливали, нам не давали больше, потому что мы – кулаки саратовские”.

Прибывшим из Саратовской области переселенцам было непросто привыкать к местным условиям. Сложность была в том, что земли эти были обезвоженные и бесплодные – со стороны Чу, с Казахстана дул “курдай” – ветер, который за считанные часы мог обезводить почву. Люди учились приспосабливаться к незнакомым для них ранее природным и климатическим условиям, осваивать новые способы ведения хозяйства. Надо было возводить лесозащитные полосы, которыми поля делились на равные квадраты, эти полосы спасали посевы от ураганных курдайских ветров. Благодаря этому на почти безжизненной доселе земле ссыльными переселенцами стало возводиться сначала сельское, а потом и промышленное хозяйство. Людям приходилось не только привыкать к новым условиям, но и заново учиться жить, потому что сам статус спецпереселенца не позволял им быть уверенным в безопасности своего завтраш-

него дня. Приведем еще несколько отрывков из воспоминаний старожилов поселка Октябрьское, многие из которых были детьми, когда их привезли на эти земли: “...голодно было. Лебеду добавляли в хлеб. Зерна-то почти не было. Вот и пекли лепешки с лебедой. А мама мне на день рождения пироги, помню, с пасленом пекла. Кисель из паслена варили. А что, других-то сладостей не было. Вкусно было”. Другое воспоминание: “Зимы холодные были. Топить нечем было. Собирали курай, под снегом его находили. Смотришь, катится шар какой-то, а это человек идет, оханку курая несет, а его самого и не видно под этим кураем”.

В том же 1933 г. ссыльными переселенцами был возведен промышленный цех по переработке конопли – дикардикатор, а в 1935 г. был пущен лубяной завод. Для территорий, поросших некогда камышом и верблюжьей колючкой, появление промышленного предприятия – завода – было серьезным шагом вперед. Вскоре после того, как хозяйство перешло на выращивание кенафа, поселок стал называться лубхоз. Работа на кенафе была не просто трудной, она была опасной для здоровья, пыльной: конопляная и кенафная пыль проникала через одежду, въедалась в кожу, волосы. Слезились глаза, тело чесалось, но мыться было негде, потому что людям нередко, особенно в годы войны, ночевать приходилось прямо в поле: “Ох, и тяжель были эти снопы конопли и кенафа. Трактор по кругу ходит, а поле-то не велико, надо успеть связать снопы, поставить их в суслоны, пока он тут же на второй круг не зайдет. Только успевай крутиться”.

В годы войны в поселок прибыло много эвакуированных, которые пополняли ряды рабочих завода и колхозников, а также и ряды сельской интеллигенции. В поселках, несмотря на то, что шла война, стали полноценно функционировать школы, где работали учителя, появилась больница.

В декабре 1941 г. из Карелии в поселок прибыли поляки, которые претерпели принудительные переселения не единожды. Отдельные их группы переселяли по несколько раз. В Киргизию поляков не депортировали. Прибывшие в 1941 г. польские семьи до 1930-х гг. проживали на приграничных территориях Украины (Житомирской, Хмельницкой, Каменец-Подольской областей) и частично Белоруссии. В 1930-е гг. они также были подвержены политическим репрессиям и сосланы на Беломоро-Балтийский канал и в Карелию. В 1941 г. более 200 польских семей было переселено из северных районов их депортации в Киргизию. Их расселили в селах, близлежащих от Фрунзе: Нижне-Чуйск, Джанги-Джер, Октябрьское (в официальных документах называемое Васильевский совхоз), Джанги-Пахта – села, которые

и были представлены в основном русским населением, раскулаченным и сосланным в Киргизию в 1932–1934 гг.

Полякам, с одной стороны, было легче, потому что они прибыли не в голые степи, а в уже сложившийся поселок, но, с другой стороны, сложность была в том, что это было место их вторичного переселения и везли их в Киргизию из Карелии почти три месяца. Приводим рассказ 83-летней жительницы с. Виноградное, Аламединского р-на, Зофьи Зайончковской: *“Мы жили в с. Яблоне, Житомирской области. В 1933 году нашу семью выслали в Карело-Финскую АССР и определили на жительство в поселок Пиндуши, Медвежегорского района. В 1937 году арестовали отца, и больше никаких известий о нем мы не имели. Кроме нас в Карелии было много польских семей, таких же высланных из Украины. В 1941 году началась война. Маму нашу забрали в трудовую армию, и 2 месяца мы о ней ничего не слышали. Потом, когда линия фронта стала приближаться к Карелии, мама вернулась домой с большим трудом, а на следующий день нас всех посадили на баржу и повезли по Белому морю, куда, мы и сами не знали. Плыли мы целый месяц. Проплыли Беломоро-Балтийский канал, и на барже обнаружилась поломка. Нас посадили на поезд и повезли на Восток. Ехали долго. Зимой приехали в Киргизию, выгрузили нас на станции Пишпек. Была зима, но было тепло. Киргизская зима была не такая суровая, как на Севере. Мы поняли это сразу. Снег падал, но тут же таял. Было сыро. На станции нас держали долго. Было много детей, но я была самая маленькая, и добрые люди меня забирали у мамы на 2–3 дня, чтобы отогреть меня и чтобы покормить. И мама, и я плакали, боялись расставаться. Но меня возвращали, и мама успокоилась. Потом стали приходить трактора с прицепами, на которые погрузили детей и наш жалкий скарб, у кого, что осталось. Нас распределили на Лубзавод, село Октябрьское, в 50 км от Пишпека. Впереди ехали трактора, а люди за ними шли пешком по жидкой раскисшей грязи. Трактора фарами освещали нам дорогу, и мы шли за ними. Шел мокрый снег, путь был тяжелым, мы шли большие суток. Все очень устали, а чтобы мы не отставали, наша мама давала нам по кусочку хлеба, манила нас хлебом как собачек, и мы шли за нею, чтобы получить очередной маленький кусочек хлеба.*

Когда пришли в пункт нашего распределения, нас встретили местные жители, разместили в клубе, угостили обедом. Потом нас разместили по баракам, по 2–3 семьи в каждой комнате. Спали на земляном полу, стлали на пол, у кого что было. Потом нам сколотили топчаны.

Мама и старший брат Владек, которому было только 13 лет, пошли работать на лубзавод, а мы с Яном ходили “выливать” сусликов: в норку, где жили суслики, нужно было налить до 15 ведер воды, чтобы суслики выползли на свет. Там мы их ловили и ели, а шкурки сдавали барахольщикам, выменивали на всякую мелочь: нитки, свечи и другое. Я вскоре пошла в школу, а братья учиться не могли, потому что им нужно было работать. Тетрадей у нас не было. Мы брали оберточную бумагу, разглаживали ее и шивали из нее тетрадошки, в которых и писали. Я окончила школу, а братьям не удалось получить образования. В Октябрьском кроме нас было еще несколько польских семей – все были эвакуированные с Карелии, с. Пиндуши, поэтому были как одна семья: Боровские, Чернецкие, Скреминские, Рудницкие, Бочковские, Беляк, Бискуп, Гжибовские, Новоселецкие, Змеевские, Хинтинские... Наши мамы часто вместе собирались, молились, конечно, по-польски и пели польские песни. Говорили мы дома больше по-украински, но молились только по-польски. Мама и нас учила молиться по-польски, я до сих пор все эти молитвы помню.

В Октябрьском мы больше начали говорить по-русски, так как на этом языке все разговаривали. Местные люди, которые еще до нас жили в поселке, встретили нас неплохо, но особенно они помочь нам не могли, так как сами были бедными. Но в трудную минуту всегда приходили к нам на помощь. Праздники вместе справляли, хоть и война была. Но самыми любимыми нашими праздниками были польские Рождество и Пасха. Помню на Пасху одна из соседок дала нам молока перегонного, так мы сварили на нем кукурузную кашу. И до сих пор ничего вкуснее той каши я в жизни не ела”.

В 1941 же г. в Киргизию было направлено 21500 польских граждан с территорий, оккупированных Советской Армией после реализации пакта Молотова-Риббентропа, но уже в августе 1941 г. они были амнистированы, обеспечены работой, жильем, им была предоставлена свобода передвижения.

Таким образом, на примере отдельных судеб людей одного из поселков нашей республики можно проследить судьбы русских и польских семей, которые прибыли сюда не по собственному желанию, а в силу определенных политических процессов. Эту судьбу повторили другие семьи, волею обстоятельств, от них не зависящих, оказавшиеся в других республиках Центральной Азии. Эти люди, которых привозили в скотских вагонах, голодных, униженных, без вещей, в том, в чем забирали из их домов. Они адаптировались к новым усло-

виям и всю свою жизнь отдавали на развитие этих республик.

Примечания и литература

1. *Hans Medick. Mikro-Historie. Publikation vorgesehen in: W. Schulze (ed.). Was Kommt nach der Alltagsgeschichte? Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1994. Перевод Т.И. Дудниковой. URL: http://vk.com/doc-29603798_6386941?dl=28aabb49a7217e1962*
2. *Кромм М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу / М. Кромм. СПб., 2004. URL: <http://www.countries.ru/library/antropology/krom/>*
3. *Польская С.А. Микроистория в зеркале исследований современной французской медиевистики / С.А. Польская. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/239>*
4. *Фреман Э. Три слоя значения в микроистории / Фреман Энтон. URL: <http://gefter.ru/archive/8652>*
5. Приводим архивные данные о численном показателе “кулацкой ссылки” в поселки Чуйской области: совхоз “Джанги-Джер” – 1529, совхоз “Васильевка” – 1318, Джанги-Пахтинский совхоз – 821, 2-е отделение свеклосовхоза в Кантском районе – 464, 3-е отделение свеклосовхоза в Кантском районе – 453, Нижне-Чуйский участок № 1 – 441, Нижнечуйский совхоз – 335, Джанги-Пахтинский участок № 40 – 246, Нижнечуйский участок № 2 – 245, Васильевский лубзавод – 242, совхоз лубзавода в Кагановичском районе – 214, Нижнечуйский лубзавод – 210, Джанги-Пахтинский лубзавод – 117 / В.Н. Земсков. “Кулацкая ссылка” накануне и в годы Великой Отечественной войны. URL: ecsocman.hse.ru/data/410/062/1217/001.ZEMSKOV.pdf
6. Это наша с тобой земля: очерк. Фрунзе: Илим, 1989.
7. *Бугай Н.Ф. Поляки России: поиск истины: принудительное переселение, возвращение, судьбы / Н.Ф. Бугай. М., 2013.*